

КРАСНЫЙ ТРАКТОРИСТ

Было уже, пожалуй, за полночь, а Василию всё не спалось. Глухо постукивали в темноте комнаты старинные часы, да изредка шуршал по стене ветками старый тополь, соседствующий с избой. Окно было подёрнуто лёгкой апрельской морозинкой, и на его узорчатой поверхности причудливыми разноцветными искрами отсвечивали звёзды.

Над коммунной «Красные Орлы» плыла весенняя ночь.

Вечером прошедшего дня Василий Зубов и председатель коммуны Михаил Афанасьевич Зуев долго сидели на толстом, высушенном тёплыми ветрами бревне, затягиваясь крепким, хватающим за нутро самосадам. Неторопливо вспыхивали в надвинувшихся сумерках огоньки сигарок, неторопливо текла беседа о коммунарском житье-бытье. Уже собираясь уходить, Михаил Афанасьевич, как бы мимоходом, бросил:

– Да, Василий, трактор нам дают...

Зубов от услышанного чуть не проглотил чадящий окурок, выплюнул его и круто вскочил с места:

– Да ты что, или шутишь, Афанасьич?... Да ведь это..., – он захлебнулся в собственных словах, – Да ты знаешь, что это такое?

И вдруг его так расперло от радости, что он заорал: «Ура!!!» и лихо оттопал чечётку.

– Чего вы, скаженные дымокуры, орёте под окном? – гаркнула в приоткрытую дверь какая-то баба, – Креста на вас нет...

– Садись, садись, – усмехаясь, потянул председатель Василия за руку, – Ишь, раскукарекался, как молодой петух. Свихнешь голову на радостях. Кто трактор водить будет? Давай-ка лучше завернём ещё по одной.

Плоскими, задубевшими от работы пальцами председатель полез в кисе, улыбнулся:

– Сегодня бумагу из Камышлова получил. Приезжайте, пишут, за трактором... Дождались, – вздохнул он глубоко и свободно, – Будет теперь и

на нашем поле праздник. Так что ложись-ка почитать, Василий свет-Иванович, а завтра поутру двинем за техникой.

Не спится Зубову. Рядом с кроватью дожидаются утра начищенные до блеска хромовые сапоги, на табуретке – чёрная вышитая косоворотка. Смотрит Василий на рябое от звездных искорок окно, и встаёт перед его глазами образ батьки – Ивана Михайловича, угрюмого, бородатого, с капельками пота на морщинистом лбу, с ладонями, исполосованными суровыми сапожными дратвами.

Слыл отец неплохим сапожником в Ново-Пышме, денно и ночью горбатился на низеньком с брезентовым сиденьем стульчике, мастера обуви для рабочих фабрики Ятеса и для своих односельчан. Всю жизнь надеялся в люди выбиться и детей своих вывести.

Василия отдали в приходскую сельскую школу. Там закончил он три класса. Учился парнишка неплохо, давались ему науки. Но однажды отец, раздосадованный чем-то, сказал сыну открыто и грубо:

– Хватит, парень. Научился, набегался. Неча сопли зря на дорогу ровнять. Приучайся к делу.

И посадил на скамеечку рядом с собой учить сапожному ремеслу. Все так же бежала говорливая речка по кромке села, все так же щёлкали вечерами игральные бабки в руках у Васькиных сверстников. Все так же носились они, босоногие и загорелые, в холщёвых рубашках по лесам и долам близ села. Только Васька всё реже появлялся в их галдящих компаниях. Васька сапожничал. Сучил дратву, набивал колодки, разносил обувь по адресатам заказчиков. Взрослел.

В дробном конском топоте, в треске ружейных выстрелов, в слезах и крови прокатился по Уралу вал гражданской войны.

В хвост и гриву громил белогвардейщину и заокеанских любителей даровщины русский народ, поднявшись на защиту своей Советской республики. Все дальше к востоку, к Омску, откатывались колчаковские «спасители России» и иже с ними. На освобождённой от врага территории наступала новая и свободная, нелёгкая, но интересная жизнь.

Семнадцатилетнего Ваську потянуло из деревни в город, посмотреть мир, а при случае и себя показать. Уехал в Екатеринбург. Стал работать раскройщиком кож в губернском комитете кожевенной промышленности.

Первое время держался особняком от остальной молодежи, в свободное от работы время скучал от безделья, бродил по городу, разглядывал дома и вывески. И однажды, так же вот бесцельно прогуливаясь, столкнулся нос к носу с крупно шагавшим навстречу Марком Колодниковым – комсомольским секретарём кожевников. Был секретарь боевит и горяч, носил длинную кавалерийскую шинель и будёновку, из-под козырька которой на собеседника смотрели в упор серые отчаянные глаза. А вдоль правого виска почти до самого рта голубел тонкий шрам – след резкой шашки донского белоказака.

– Слушай, какого чёрта ты томишься? – с места в карьер ринулся он на Василия, – Люди паровозы ремонтируют, хлеб заготовливают, учатся, – Он ещё раз ожёг Зубова взглядом, – А ты, как кисельная барышня, гуляешь. Не дело, парень. Если заняться нечем, подавай заявление в комсомол – живо найдём работу. Советскую власть и в нерабочее время строить надо, понял? – яростно проговорил он почти шёпотом и загромыхал сапогами дальше, высокий и плечистый. И встречный ветер играл крыльями его будёновки.

Василий понял. В тот вечер долго корпел он над заявлением, мусоля химический карандаш. В результате двухчасовых творческих мук родилась строка: «Прошу принять меня в комсомол». После этого Василий облегчённо поставил точку и витиевато расписался.

И закрутилась карусель комсомольской жизни. Субботники и политбеседы, бурные собрания и умные книги, клубная сцена и споры до хрипоты на улицах – о революции и культуре, о положении на фронтах, о кулачестве...

Политически грамотным, идейно закалённым, физически окрепшим вернулся в родное село Василий Зубов. Без раздумья вступил в коммуны «Красные Орлы». И отправили его коммунары, как наиболее грамотного, на курсы красных трактористов.

Молодая Советская республика не имела ещё своих тракторов. Приходилось за чистое золото покупать их за границей. Но уже гудели на крестьянских полях России американские «Фордзоны», и всё больше и больше требовалось для них знающих трактористов.

На курсах было строго. Большое внимание уделялось и теории, и практике вождения трактора. Колоссов, седоватый, спокойный старичок, любимый преподаватель курсантов, не раз говаривал своим слушателям:

– Понять надо, ребяташки, на носу себе навечно зарубить: техника, она, прежде всего, ума требует. Машина – не конь. Её палкой не огреешь, за ухом не почешешь. Здесь только голова в ходу, а не кулак.

Три месяца усердно изучал американский трактор Василий. Подробно конспектировал лекции преподавателей, чертил чертежи, водил трактор, копался в его механизмах. Курсы он закончил хорошо. Перед тем, как разъезжаться по домам, как-то сказал Колосову:

– Приучили нас к технике, а вернёмся к лошадям. Трактор-то здесь останется: его на всех не поделишь.

– Не кручиньтесь, ребяташки, – ответил добродушный старикан, – Не успеете чарку дома выпить, как тракторы прямо на ваш огород въедут.

Зубов уснул. Во сне он видел себя восседающим в тракторе, но тракторные колеса почему-то двигались очень медленно, и вот уже чей-то горячий конь, запряжённый в бричку, обогнал Василия, и он услышал торжествующий хохот и голос одного из кулацких сынков:

– Что, нищета?.. Жилка слаба тягаться?..

– А вот сейчас поглядим, жирное пузо, у кого из нас жилка прочнее! – прокричал в ответ Василий и...открыл глаза.

Через час буланый конь по кличке Серёга нёс Василия и председателя по подсохшей дороге, мимо взбухших от половодья речушек, мимо сиреневых, дымчатых перелесков, напрямиком на Камышлов.

И вот он – трактор, давнишняя мечта коммуны! Он стоял, поблёскивая стальной краской боков, крепко расставив на земле свои четыре колеса, американский «Фордзон», будущий советский коммунар. Василий не мог оторваться от него, постукивал ногтем по звонким шпорам задних колёс, примеривался к седлу, брался за руль и снова отходил в сторону и снова возвращался – словно цыган, покупающий лошадь.

Обратно в коммуну Зубов ехал на облюбованном стальном коне. Чувствовал тракторную мощь и, вспоминая свой удивительный сон, думал:

– Нет, кулачье, теперь вам придется догонять коммуну на своих клячах. Теперь нас голой рукой не возьмёшь. Силу-подмогу веду мужикам огромную.

Уморился Василий за рулём. Подъехав к селу Филатовскому, заглушил машину, постучал в окно ближнего домика:

– Угости-ка, хозяйюшка, кваском!..

Пока пил ядрёный, холодный квас, сельчане облепили трактор, как мухи пирог. Ахали, охали, удивлялись: что за оказия такая. А чей-то сипловатый бас, выделяясь из общего гула, зло произнес:

– Доброго хлебушка с такой машиной не вырастишь. Вся земля керосином пропитается.

Василий промолчал. Он-то знал, какие хлеба снимают с пашен, обработанных тракторами.

Под вечер незнакомо затарахтела машина в окрестностях коммуны. Через минуту кто-то из ребятишек громко закричал:

– Трактор! Дядя Вася на тракторе!..

Визжа от восторга, ребячья орава сыпанула по дороге. За ними взрослые мужики. Даже женская половина не удержалась от соблазна и, подобрав юбки, затрусили навстречу машине.

Василий едва успел заглушить мотор и отпустить руль, как благодарные, жилистые руки весело шумящей толпы сорвали его с сиденья и взметнули вверх. Раз пяток беспомощно брыкал он ногами в воздухе, и всякий раз возвращался в упругие, пружинистые руки людей.

– Весь табак из кармана высыпали, рехнулись, - проворчал он, ощутив, наконец, под собою твердую землю. А коммунары уже топились у трактора, нажимая друг на друга, вытягивая шеи, гудели на разные голоса:

– Вот это чуда так чуда-а!

– Васька, а хвост-то у твоего коня, чай, воли дорогой отъели...

– С нами не шути, брат. У нас теперь первый трактор в районе...

– Да ему и дом на дыбки взять – раз плюнуть...

Василий притоптал докуренную «козью ножку», протолкался к машине, пугнул мальчишек:

– Цыц, мураши, всю краску оближете!

В ту же ночь Зубов раза три вскакивал и выходил на двор взглянуть – всё ли ладно с машиной.

Навсегда запомнил он праздник первой борозды. И праздничных, принаряженных коммунаров. И увитый алыми лентами трактор. И первый, неповторимо пахнущий весной пласт земли.

Так с весны 1927 года начались трудовые будни первого тракториста Сухоложского района, члена коммуны «Красные Орлы» Василия Ивановича Зубова.

Около столовой построили коммунары для своего трактора гараж. Отличным и безотказным помощником стал маленький «Фордзон» для коммуны. И землю пахал, и хлеб убирал, и даже клевер зимой молотил.

Берёг его Василий пуще глаза. Ухаживал за ним сам, никому не доверяя. Чистил, смазывал, протирал. Из борозды выходил «Фордзон» грязнее чёрта, а на другой день, перед работой, снова блестел, как новенький. Недаром в 1929 году печатный орган Уральской области «Крестьянская газета» писала: «В коммуне «Красные Орлы» трактор служит уже третий сезон. Но он до сих пор, как новенький. Трактор не требует совершенно никакого ремонта. За 1928 год он вспахал 100 гектаров земли, выжал жнейкой 45 гектаров и обмолотил урожай с 60 гектаров.

– Лучше нашего тракториста Зубова никто не ходит за машиной, – говорил председатель коммуны».

Далее газета писала: «В 1929 году Зубов предлагает вспахать своим трактором за сезон 135 гектаров, убрать с его помощью весь урожай и произвести обмолот хлебов и клевера. Зубов берётся вывести трактор без поломки и без большого ремонта несмотря на то, что будет работать на нём третий сезон.

Так оно и вышло. Василий Зубов выполнил своё обещание. Ровно три года проработал первый красный тракторист в коммуне и показал себя отличным механизатором. И когда в 1930 году коммуна была преобразована в колхоз, Зубов в целостности и сохранности передал преемникам своего верного стального коня.

Остается сказать, что первый тракторист района прошёл всю Великую Отечественную войну, громил противника на пяти фронтах и вместе со своими друзьями-однополчанами закончил боевой путь в поверженном Берлине в чине капитана. В нелёгкие дни 1942 года он вступил в партию коммунистов. А после войны Василий Иванович до 1962 года работал на Алтае председателем краевого комитета союза рабочих автомобильного транспорта, начальником

автотранспортной конторы, в строительном-монтажном тресте. Четыре года назад он ушёл на заслуженную пенсию.

Недавно Василий Иванович снова побывал на дорогой его сердцу уральской земле. Был в Курьях, Ново-Пышме. Видел новые школы, магазины, фермы. Слышал шелест созревающих тучных хлебов. Дышал запахом колхозных полей, омытых потом и кровью тружеником земли. И приятно было вспомнить седому ветерану, имеющему на груди семь боевых наград, что и он вложил свой скромный вклад в расцвет уральской стороны.